ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОТ РАСШИРЕНИЯ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И УНИФИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 321.01

В. В. ШИШКОВ

Обретение независимости от Золотой Орды, рост военной мощи позволили Московскому государству приступить к расширению своей территории. К 1547 году Москва выступала в качестве одного из ведущих политических центров Восточной Европы.

Способом и смыслом существования Русского царства, а затем Российской империи, была территориальная экспансия, осуществляемая путем присоединения территорий в результате военных успехов и колонизации. В ходе территориального расширения Россия установила свое политическое господство в центральной части Евразии, интегрируя присоединенные территории и народы в имперский социум в качестве имперских периферий с различным политико-административным статусом.

Первый этап формирования Российской империи начался уже во времена присоединения Руси Ордой. В XV в. московские князья осуществляют «собирание русских земель». Второй этап – это борьба за наследие Золотой Орды в Восточной Европе, начавшаяся во второй половине XV в. Третий этап формирования Российской империи – это окончательный переход в Азию с завоеванием Сибири в течение XVII в. Четвертый этап формирования Российской империи привел к подчинению украинских казаков власти московского царя. Пятый этап формирования Российской империи – это правление Петра I, который в 1721 году провозгласил себя Российским императором и присоединил Прибалтику [6, с. 98–100]. По поводу определения данных этапов можно согласиться не во всем, но в целом временные рамки соответствуют произошедшим событиям.

Во второй половине XVI в. военная экспансия Русского царства, называемого за рубежом «Московией» [16, с. 35], осуществлялась по нескольким направлениям. На Западе попытки расширения территории за счет присоединения Ливонии привели к военному столкновению с Речью Посполитой и Швецией. Во-вторых, экспансия в восточном направлении, которая была успешной – были покорены Казанское и Астраханское ханства, повержено Сибирское ханство, что открывало возможность к дальнейшей колонизации. В-третьих, наметилось стремление России к продвижению на южном направлении. Тем самым сформировались основные стратегические направления имперской территориальной экспансии.

Русское царство образовало империю сравнительно быстро (примерно с 1450 г. по 1550 г.), причем протоимперия (Московское княжество) не обладала качественными экономическими и социальными преимуществами по сравнению с соседями, ставшими периферией. Достижение империи было возможно через мобилизацию податного и служилого населения, напряжение ресурсов и подавление сопротивления общества.

В XVII в. после Смуты восстанавливалась организация патриархальной империи, воплощающаяся в возрастающем авторитете царской власти. Восстанавливалась военная мощь России [9, с. 52–54]. Имперская система возобновила территориальную экспансию и колонизацию на привычных направлениях. В результате длительной войны с Речью Посполитой (1654–1664 гг.) Россия вернула себе земли, потерянные во время смуты и подчинила Левобережную Малороссию. На востоке первопроходцы достигли побережья Охотского моря, произошли военные столкновения с Империей Цин, в результате которых был заключен Нерчинский договор (1689 г.). На южном направлении Россия столкнулась с Османской империей. В этих условиях нарастало осознание необходимости преобразований, повысивших эффективность имперской системы.

При Петре I величие империи продолжало оставаться главной целью, а общество – лишь средством для ее осуществления. В этой системе координат государство – самая зна-

чимая, доминантная ценность, властитель воплощает в своей персоне Власть и идею общественного блага. Подданный, стоящий на более низких ступенях социальной лестницы, особой ценности для власти не представляет [2, с. 88–89]. Заплатив за петровскую модернизацию немалую цену в человеческих жизнях, Россия, 90% населения которой составляли крестьяне, осталась в целом традиционным обществом с осовремененными чиновничьим аппаратом и армией.

Только во второй половине XVIII в., при Екатерине II, имперскому правительству удалось сгладить противоречия хотя бы с дворянством, дарованием ему «вольности и свободы» (1762, 1785 гг.). Восстановление спокойствия и взаимного согласия между самодержавной монархией и дворянством упрочило абсолютную власть монарха и привело к международным успехам [1, с. 321]. Начинает проводиться успешная экспансионистская имперская политика.

В конце XVIII – начале XIX вв. Российская империя с населением в 36 млн человек выступила в качестве единственной силы на европейском континенте, способной успешно противостоять Наполеоновской Франции. В 1815 году Венский конгресс закрепил влияние Российской империи в Европе. Империя находилась на подъеме, расширение ее территории представляло непрерывный процесс.

Начиная с середины XIX в. продвижение территориальной экспансии России стало сталкиваться с нарастающим сопротивлением ведущих европейских держав, формирующих собственные колониальные империи. Сдерживание России сохраняло ее континентальный и периферийный характер по отношению к модернизированной европейской цивилизации. Крымская война (1853–1856 гг.) показала отсталость Российской империи. Русско-турецкая война (1876–1877 гг.) и ее политические результаты демонстрировали падение влияния России среди европейских держав. Русско-японская война (1904–1905 гг.) указала на пределы экспансии. Имперская система теперь могла себя сохранить лишь через самоосвоение, внедрение передовых социальных практик, переход к модернизации. В полной мере сделать это не удалось.

Территориальная экспансия выступает формой существования империй, в отношении Российской империи этот тезис более чем справедлив. Российская империя знала две формы экспансии, территориального расширения – колонизацию и завоевание, осуществляемое с использованием военной силы. Две формы экспансии тесно переплетались между собой в зависимости от региона, предваряя одна другую.

В XVIII – XIX вв. расширение пределов империи и сферы ее политического влияния осуществляется все больше с использованием военной силы. Милитаризация общественной жизни ложилась тяжелым бременем на аграрную малопроизводительную экономику России.

Военная мощь, способная обеспечить продвижение территориальной экспансии, сохранение в составе империи уже подвластных территорий и народов, выступала в качестве одного из основополагающего фактора, гарантирующего стабильность политической системы. Это обстоятельство естественным образом обусловило привилегированный статус военных в социальной структуре России.

Как видно из истории Российской империи, военные усилия по расширению ее территории на протяжении ряда веков имели постоянный характер. Особенно это заметно для западного и южного направлений российской имперской стратегии. Военная мощь превращала Россию в евразийскую державу. Х. Дж. Макиндер писал, что «Россия заменяет Монгольскую империю. Ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай заменило собой исходившие из одного центра набеги степняков. В этом мире она занимает центральное стратегическое положение...» [8, с. 27].

Особенно заметно преобладание военных инструментов приращение территории империи после Петра I. В силу этого империя приобретала все более милитаризированный характер и использовала свою военную мощь для подчинения все новых народов. Военные достижения выступали убедительным подтверждением имперской эффективности и служили веским аргументом в пользу складывающегося содружества народов. Недостаток внутренних импульсов к интеграции, обусловленный низким уровнем товарно-денежных отношений и неразвитостью капитала, компенсировался милитаризацией социума за счет плотного приобщения к обслуживанию военных нужд империи и перенесения на гражданскую жизнь норм и правил военной организации.

Как и большинство империй, Россия, используя свою военную мощь, приобретала лишь то, на что другие государства не претендовали, или то, что они не могли захватить [17, с. 29]. Противостояние с западными

колониальными империями остановило продвижение империи на Западе и Юге, что она компенсировала новыми приобретениями на восточном направлении своей экспансии. Тем не менее, как отмечает Г. Киссинджер, «...на определенном этапе экспансионизм более не умножал мощь России, но способствовал ее упадку... В 1849 году Россия в самом широком плане считалась сильнейшей страной Европы... В промежутке между 1848 и 1914 годами Россия была вовлечена в полдюжину войн (колониальные не в счет). Таким не могла похвастаться ни одна великая держава. В каждом из этих конфликтов, за исключением интервенции в Венгрию в 1849 году, финансово-политические потери России намного превышали ожидаемые выгоды. Хотя каждый из этих конфликтов собирал свою дань, Россия продолжала отождествлять свой статус великой державы с территориальной экспансией» [7, с. 154].

Участие в конце XIX – начале XX вв. в политическом соперничестве с ведущими европейскими державами, сформировавшими свои колониальные империи вокруг имперского ядра – национального государства, завершающими свою социальную модернизацию, являющимися индустриальными державами (сначала Великобританией, а затем Германией) понуждало Россию поддерживать свою вооруженную силу на должном уровне.

Аграрной экономике России становилось все тяжелее содержание самой большой по численности армии мирного времени и флота, должных соответствовать стандартам вооруженных сил индустриальных держав. Реализация военных программ потребовала 8,4 млрд рублей золотом (за 1898–1913 гг.). На флот и армию царская Россия потратила за это время более 22% всех своих расходов. Чтобы выжать из бюджета 8,4 млрд руб. золотом на Военное и Морское министерства, царское правительство закручивало налоговый пресс, вводя новые косвенные налоги и увеличивая старые. Оно сокращало до предела расходы на просвещение, науку и социальные нужды [15, с. 132].

Реализация экспансии путем завоеваний требовала постоянного напряжения сил империи. В условиях соперничества с европейскими колониальными империями, опиравшимися на индустриальную экономику, поддержание на должном уровне военного могущества стало непосильной ношей для империи.

Социально-экономическая колонизация была вторым путем территориального приращения Российской империи.

Идеальная модель колонизации представляет процесс освоения новых территорий, когда вслед за их географическим исследованием и описанием возникают сначала редкие поселения, прокладываются дороги, образуются основные торговые пути, формируется система управления и, наконец, эти территории включаются как равноправное звено, элемент в территориальную структуру региона или страны [3, с. 683]. По мере формирования институтов центральной власти, развития ее инструментов колонизация и завоевания все более переплетались, становясь упорядоченным и направляемым из Центра процессом экспансии, ведущим к образованию континентальной имперской системы. Например, Сибирь виделась уже не просто земельным запасом или стратегическим тылом, благодаря которому Россия, бесконечно продолжаясь на восток, становится несокрушимой для любого врага с запада [13, с. 294, 298]. В проектах С. Ю. Витте, П. А. Столыпина и других политических и хозяйственных деятелей империи Сибирь, и шире вся территория за Уралом, определяется как пространство, необходимое для национального, геополитического и экономического переустройства империи, обретения ею новой опоры в многочисленных русских переселенцах на эти колонизируемые пространства.

При колонизации осуществлялась интеграция периферийных регионов в состав Российской империи, формирование внешних и внутренних границ, создание локальных центров имперского влияния. Со второй половины XIX века движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) и в правительстве, и в обществе начинает восприниматься как целенаправленное политическое конструирование империи.

Колонизация осуществлялась различными способами, с разными целями и задачами. В одних случаях главной задачей было земледельческое освоение территории, в других (прежде всего Кавказ) – решение внутренних военных задач, в третьих главным мотивом была логика геополитического соперничества, а в Западном крае целью было частичное изменение этнического баланса населения для достижения русификаторского эффекта [10, с. 140].

Российская империя активно и постоянно вела экспансию и в форме завоевания, и в форме колонизации. В результате имперского экспансионизма складывалась конгломератная империя, обладающая

специфическими чертами, во-первых, географическими – ни одна другая империя не складывалась в более суровых и экономически неблагоприятных условиях. Во-вторых, цивилизационными – империя придала политическую форму православной цивилизации, продолжательницы политических, культурных, религиозных традиций Византии, Киевской Руси, Золотой Орды, что и обеспечило ее доминирование на территории Евразии. В-третьих, геополитическими – Российская империя распространилась на значительную часть евразийского континента, Хартленда, соприкасаясь, взаимодействуя с политическими организациями других цивилизаций и нередко успешно противостоя им.

Территориальная экспансия и колонизация Российской империи привела к тому, что с 1646 по 1914 г. ее территория увеличилась с 14,1 до 21,8 млн км², или в 1,55 раза, а население – с 7 до 178 млн человек, в 25,4 раза. Россия стала второй, после Британской, по размерам территории империей. Анализ, проведенный Мироновым Б. Н., показывает, что основным источником роста населения во второй половине XVII – начале XX в. были присоединения, завоевания и естественный прирост нерусского населения. Россия превратилась в многонациональную империю, в которой «титульная» нация оказалась в меньшинстве, к 1917 г.– 44,6% населения страны [11, с. 20, 25].

Рассмотрим организацию отношений между центром и периферией Российской империи. Формально Россия была унитарным государством, но на протяжении своего существования и по мере продвижения территориальной экспансии включала в себя все новые территории, для которых было необходимо находить своеобразные формы имперской интеграции через предоставление различных форм автономии. Приобретенные территории становились имперскими периферияими в политическом, экономическом, и культурном аспектах, их взаимоотношения с центром имели определенную специфику.

Территории, включенные в состав империи путем завоевания, интегрировались в империю, становясь ее периферияими, следующими путями.

1. Губернии с особым статусом сохраняли автономию с учетом этнического состава или особенностями статуса до присоединения к империи. В результате Ништадтского мира 1721 года балтийские провинции Швеции Эстляндия и Лифляндия были присоединены к России. При этом сохранялись привилегии населения этих территорий и самостоятельность в решении многих вопросов их жизни, то же можно сказать о Бессарабии [5, с. 30].

2. Личная уния, согласно которой российский император выступал в качестве суверена для данных политических образований и сохранял тем самым их государственность, предоставляя им самостоятельность в некоторых вопросах конституционного устройства, языка, образования и др. На такой основе присоединены Казанское царство (1552–1708 гг.), Царство Польское (1815–1831 гг.) и Великое княжество Финляндское.

3. Протекторат предусматривал, что империя приобретала верховный суверенитет над политическим образованием, во внешних делах и военных вопросах, при сохранении его автономии во внутренних делах и собственной династии правителей (Бухарское ханство, затем эмират (с 1868 г.), Хивинское ханство (с 1873 г.), империю представляли Российское политическое агентство в Бухарском эмирате, аппарат начальника Амударьинского отдела по связям России с Хивинским ханством [14, с. 12]).

4. Наместничество, особый военно-административный режим с наделением наместника, подчиненного напрямую императору всей полнотой власти. Кавказ, покоренный и присоединенный к империи в середине XIX в., управлялся таким образом. Сходный режим управления имел Туркестанский край, объединяющий покоренные земли Средней Азии [12, с. 97–98].

Территории, вошедшие в состав империи по договору, наделялись различными формами автономии.

1. С признанием значительной политической и финансовой самостоятельности, сохранением выборного главы, самобытного административно-территориального деления, самоуправления и суда (было единожды в отношении Малороссии 1667–1764 гг.).

2. Предоставлением союзной территории самостоятельности в вопросах местного самоуправления и наделением населения правами военного сословия и соответствующими привилегиями в обмен на выполнение военных, а позднее, и полицейских функций (области казачьих войск) [4, с. 8–9].

3. С признанием и утверждением действующего правителя и его династии, как правило, с назначением представителя имперской власти и последующим включением в империю на общих основаниях (Казахское ханство, Картли-Кахетинское царство, закавказские княжества, Урянхайский край (Тува).

4. Различными формами признания политической зависимости от империи, носящими феодальный характер, с последующим присоединением (русские удельные княжества, Большая Ногайская Орда, Сибирское ханство, Калмыцкое ханство).

Территории, приобретенные путем колонизации, можно разделить на две категории.

1. Земли, практически не занятые местным населением после хозяйственной колонизации, включаемые в административную систему империи.

2. Земли, населенные кочевыми, оседлыми и бродячими «инородцами» с их покорением и предоставлением культурной автономии (главным образом, народы Сибири).

Таким образом, в политическом отношении Российская империя складывалась в качестве конгломерата периферий, обладающих разной степенью автономии. По мере утверждения имперской власти на включенных в состав империи территориях упразднялись особенности их статуса. По мере совершенствования и модернизации имперских институтов центрального управления упразднялась политическая автономия конгломератов, составляющих периферию. В начале XX в. политическая автономия сохранялась только за Финляндией. Бухара и Хива контролировались агентами Российской империи, также ее представители были направлены в присоединенную Туву. Местные особенности самоуправления сохранялись в Прибалтике. Империя, предоставляя автономию полученным в результате экспансии территориям, не приобретала характера союзного государства, объединяющего территории обладающие политической самостоятельностью. Наоборот, империя стремилась сохранить свой унитарный характер политико-территориального устройства.

1. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства [Текст] / П. Андерсон. – М. : Территория будущего, 2010. – 511 с.
2. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России [Текст] / С. Н. Гавров. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
3. Империя пространства: хрестоматия по геополитике и геокультуре России [Текст] / сост. Д. Н. Замятин, А. Н. Замятин. – М. : РОССПЭН, 2003. – 720 с.
4. Зелинский В. Е. Вхождение Области войска донского и казачества в государственно-правовое пространство России [Текст] / В. Е. Зелинский: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – 27 с.
5. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М., 2000. – С. 80–81.
6. Каппелер А. Формирование Российской империи в XV-начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды [Текст] / А. Каппелер // Российская империя в сравнительной перспективе: сборник статей / под ред. А. И. Миллера. – М. : Новое издательство, 2004. – 384 с.
7. Киссинджер Г. Дипломатия. – М. : «Ладомир», 1997. – 848 с.
8. Классика геополитики, XX век: Сб. [Текст] / Сост. К. Королев. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 731 с.
9. Лобин А. Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. [Текст] / А. Н. Лобин // Петербургские славянские и балканские исследования. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2009. – № 1–2 (5/6). – С. 45–78.
10. Миллер А. Русификации: классифицировать и понять. // Ab Imperio. – 2002. – № 2. – С. 133–148.
11. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. – 2 изд., исп. – СПб. : «Дмитрий Буланин», 2000. – 548+568 с.
12. Ремнев А. В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX вв. : некоторые итоги и перспективы изучения // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. – М. : Изд-во Московского общественного научного фонда, 2001. – С. 97–125.
13. Ремнев, А. В. Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX – начало XX века [Текст] / А. В. Ремнев // Российская империя в сравнительной перспективе: сборник статей / под ред. А. И. Миллера. – М. : Новое издательство, 2004. – С. 286–320.
14. Тухтаметов Ф. Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: Вторая половина XIX века: Историко-правовое исследование [Текст] / Ф. Т. Тухтаметов: автореф. дис. ... доктора юрид. наук. – М., 2003. – 34 с.
15. Шацилло К. Ф. Последние военные программы Российской империи // Вопросы истории. – 1991. – № 7–8. – С. 224–233.
16. Шмидт С. В некотором царстве, некотором государстве...: Как правильно называть Российскую державу в XVI веке [Текст] С. Шмидт // Родина. – 2004. – № 12. – С. 35–40.
17. Mellor R. E. H. The Soviet Union and its Geographical Problems. – London : Macmillan, 1982. – 207 p.